

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

№ 2.

ФЕВРАЛЬ

1899.

С.Л.Ф.
Типографія Правительствующаго Сената.
1899.

О НѢКОТОРЫХЪ НЕНОРМАЛЬНОСТЯХЪ
ВЪ УСТРОЙСТВѢ НАРОДНАГО СУДА

ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ И СТЕПНОМЪ ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВАХЪ.

Н. С. Черданцева.

Мусульманскій народный судъ у осѣдлыхъ и кочевыхъ туземцевъ дѣйствуетъ на территоріи всего Туркестанскаго края (области Сыръ-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская), въ Степномъ генераль-губернаторствѣ (области Акмолинская, Семипалатинская, Семирѣченская, Уральская, Тургайская и Закаспійская; послѣдняя вошла въ составъ Туркестанскаго генераль-губернаторства съ марта мѣсяца 1898 г., до того же времени управлялась по особому положенію) и отчасти въ Оренбургской губерніи, при чемъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ народный судъ руководится правилами, установленными Туркестанскимъ Положеніемъ (ст. 101 Пол. объ упр. Степн. обл.). Площадь всей территоріи этихъ девяти областей занимаетъ огромное пространство въ 61.562 кв. мили, что составитъ болѣе трети всей Европы и болѣе половины Европейской Россіи. Германія и Франція, вмѣстѣ взятыя, укладываются въ этой площади три раза. По послѣднимъ свѣдѣніямъ однодневной переписи населенія Имперіи въ этихъ девяти областяхъ насчитывается 7.589.948 человекъ ¹⁾.

¹⁾ Правительственный Вѣстникъ 1897 г., № 99.

Исключая изъ этой цифры Сибирское, Семирѣченское и Уральское казачьи войска, войска регулярныя и городское и сельское населеніе русскаго происхожденія, мы получимъ около $5\frac{1}{2}$ милліоновъ туземцевъ мусульманъ, подсудныхъ народному суду, въ томъ числѣ около $2\frac{1}{2}$ милліоновъ киргизъ¹⁾. И обширность территоріи, и цифра населенія, подсуднаго народному суду, даютъ поводъ познакомиться съ этимъ институтомъ.

Продолжительное проживаніе мое въ Степномъ и Туркестанскомъ генераль-губернаторствахъ, давшее возможность ознакомиться съ устройствомъ народнаго суда и отношеніями къ нему русскихъ судебныхъ и административныхъ властей, побуждаетъ меня подѣлиться своими наблюденіями съ лицами, интересующимися устройствомъ и функціями народнаго суда и условіями, при которыхъ совершается выполнение задачъ русской гражданственности на отдаленныхъ окраинахъ, насколько послѣднія зависятъ отъ суда, и обратить вниманіе на тѣ ненормальности, которыя замѣчаются въ устройствѣ этого института и дѣйствуютъ во вредъ русскимъ интересамъ, завися отчасти отъ неполноты самаго закона, отчасти отъ неправильнаго его толкованія мѣстными исполнителями.

Юрисдикція народнаго суда очень обширна. Ему подсудны всѣ дѣла гражданскія о движимомъ и недвижимомъ имѣніи, безъ ограниченія суммы, охранительныя и опекунскія. Народнымъ судьямъ также присвоены права и обязанности, входящія въ кругъ дѣйствія младшаго и старшаго нотаріусовъ. По дѣламъ уголовнымъ ихъ юрисдикція выше юрисдикціи мировыхъ судей, такъ какъ имъ подсудна всякая квалифицированная кража и нанесеніе тяжелыхъ ранъ и увѣчій. Изъ дѣлъ гражданскихъ наибольшее касательство къ русскимъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ имѣетъ предоставленіе народнымъ судьямъ правъ и обязанностей младшихъ и старшихъ нотаріусовъ, почему я и займусь этимъ вопросомъ.

¹⁾ Шляницкій—Исторіи Сибири и средне-азиатскихъ владѣній. Сиб: 1895 г.

Дѣйствующее Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края возлагаетъ на народныхъ судей свидѣтельствованіе всякаго рода актовъ и договоровъ между подвѣдомственными ихъ суду лицами (туземцами), за исключеніемъ сдѣлокъ о недвижимыхъ имуществахъ, когда право собственности на оныя утверждается на актахъ, совершенныхъ по силѣ общихъ законовъ Имперіи (ст. 235 Пол. упр. Турк. края). Для дѣйствительности выдаваемыхъ судьями актовъ необходимо, чтобы они были подписаны сторонами собственноручно, а за неграмотныхъ—довѣренными лицами и свидѣтелями не менѣе двухъ, скрѣплены подписью и должностною печатью свидѣтельствующаго ихъ народнаго судьи и дословно записаны въ шнуровую книгу подъ очереднымъ номеромъ по порядку (тамъ же, ст. 236). Содержаніе этихъ статей взято всецѣло изъ дѣйствующихъ положеній объ устройствѣ сельскаго населенія Имперіи (ст. 70 Пол. о башкирахъ 19 февраля 1861 г. и соотвѣтствующія статьи мѣстныхъ положеній объ устройствѣ быта крестьянъ помѣщичьихъ, бывшихъ государственныхъ, губерній закавказскихъ и др.), только въ Имперіи всѣ эти обязанности возложены на волостныя правленія, а не на суды. Въ Степномъ генераль-губернаторствѣ, гдѣ народный судъ устроенъ по правиламъ, установленнымъ для Туркестанскаго края (101 ст. Пол. объ упр. Степн. обл.), ст. 236 исключена, и, такимъ образомъ, въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской, Уральской и Тургайской народнымъ судьямъ не предоставлено права свидѣтельствовать акты и договоры о движимомъ и недвижимомъ имѣніяхъ (ст. 118 того же Пол.). Кто свидѣтельствуешь всякаго рода акты и сдѣлки между туземцами Степныхъ областей, въ Положеніи не сказано, а между тѣмъ, такія сдѣлки несомнѣнно существуютъ, даже и о недвижимомъ имѣніи, такъ какъ въ Степномъ краѣ имѣется и осѣдлое туземное населеніе (таранчи, дунгане, платящіе оброчную подать на подобіе бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и другіе инородцы); помимо этого, сдѣлки о недвижимости возможны и между кочевниками, которые на основаніи 275 и 278 ст. Пол. объ упр. Турк. края и 125, 127 и 128

ст. Пол. объ упр. Степныхъ областей имѣютъ право безсрочнаго владѣнія и пользованія какъ отведенными имъ зимовками, такъ и обрабатываемыми землями на зимовкахъ и лѣтнихъ и могутъ возводить на нихъ жилища и хозяйственныя постройки, которыя составляютъ частную собственность и потому могутъ быть объектомъ разнаго рода гражданскихъ сдѣлокъ: купли-продажи, залога, аренды и пр. Спрашивается, кто же будетъ свидѣтельствовать сдѣлки этого рода, когда онѣ совершаются между кочевниками? Принявъ во вниманіе, что, согласно 11 ст. Пол. объ упр. Степн. обл., инородцы, какъ кочевые, такъ и осѣдлые, пользуются правами сельскихъ обывателей въ Имперіи, а на основаніи 78 ст. того же Положенія кругъ дѣйствій волостнаго управителя опредѣляется существующими постановленіями учрежденія общественнаго управленія сельскихъ обывателей въ Имперіи, слѣдуетъ заключить, что свидѣтельствованіе всякаго рода актовъ между туземцами Степнаго края должно совершаться у мѣстныхъ волостныхъ управителей.

Трудно сказать, почему установился неодинаковый порядокъ въ Степныхъ областяхъ и Туркестанскомъ краѣ въ разсматриваемомъ вопросѣ, когда мусульманское населеніе этихъ двухъ обширныхъ раіоновъ во всемъ прочемъ имѣетъ одинаковое устройство по управленію и суду, но врядъ ли кто будетъ оспаривать, что порядокъ, существующій въ Степныхъ областяхъ, слѣдуетъ признать наиболѣе цѣлесообразнымъ и болѣе пригоднымъ для утвержденія русскихъ порядковъ въ краѣ. Волостные управители состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи уѣздныхъ начальниковъ, которые имѣютъ право во всякое время ревизовать ихъ дѣлопроизводство; такія же ревизіи совершаются губернаторами при ежегодномъ обзорѣ областей, слѣдовательно мѣстная администрація всегда имѣетъ возможность не допускать свидѣтельствованія такого рода актовъ, которые, будучи основаны на обычаяхъ, представляются незаконными и противными русскимъ порядкамъ, или касаются имущества государственныхъ. Между тѣмъ, народныя суды, „*проникнутые духомъ мусульманской религіи, вся юрисдикція коихъ основана на*

*правилахъ и постановленіяхъ, предудказанныхъ пророкомъ*¹⁾, дѣйствуютъ внѣ всякаго контроля со стороны русской власти.

При совершеніи сдѣлокъ о недвижимости между туземцами не взимается никакихъ пошлинъ, а только уплачивается нѣкоторая сумма народному судѣ, въ видѣ вознагражденія за его трудъ, такъ какъ народные судьи жалованья не получаютъ, а сами себѣ назначаютъ вознагражденіе на основаніи существующихъ по сему предмету обычаевъ (ст. 226 Пол. объ упр. Турк. края, дѣйствующая и въ Степныхъ областяхъ). Такой порядокъ установленъ не только для осѣдлыхъ сельскихъ обывателей, но и для городскихъ жителей изъ туземцевъ, и притомъ не только для имуществъ, находящихся въ туземныхъ частяхъ, но и въ предѣлахъ русскихъ частей городовъ, между тѣмъ, какъ русскіе обыватели уплачиваютъ установленныя закономъ пошлины: крѣпостныя, актовыя, публикаціонныя и гербовыя, хотя-бы имущество переходило къ нимъ отъ туземцевъ и въ предѣлахъ туземнаго города. Положеніе въ высшей степени несправедливое въ отношеніи пришлыхъ русскихъ, не только не оправдываемое никакими политическими, финансовыми или религіозными соображеніями, но прямо противное тому общему принципу, который имѣлся въ виду при утверженіи Положенія 1886 года. Въ объяснительной запискѣ Государственнаго Совѣта къ означенному Положенію между прочимъ выражено слѣдующее:

„Водворяя среди покоренной страны законный порядокъ, русская власть не можетъ стать къ ея населенію въ иныя отношенія, чѣмъ къ остальнымъ своимъ подданнымъ, и руководствоваться началами, несогласными съ общимъ господствующимъ въ Имперіи порядкомъ“.

Ясно сказано, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказывается, что туземцы пользуются большими льготами, чѣмъ русскіе завоеватели, какъ въ отношеніи налоговъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, и уже не по винѣ закона, а вслѣдствіе

¹⁾ Объясн. зап. Госуд. Сов. къ проекту пол. объ упр. въ областяхъ Семвр и Сыр-Дарьинск., 1867 г.

неправильнаго толкованія его и примѣненія мѣстными властями.

Такъ, напр., въ туземныхъ частяхъ городовъ Ташкента, Самарканда, Маргелана и др., несмотря на то, что въ первомъ изъ нихъ введено городское Положеніе 1870 г., а въ прочихъ упрощенное городское управленіе, всѣ туземныя постройки совершаются прежнимъ порядкомъ безъ плановъ, безъ предварительныхъ надлежащихъ разрѣшеній городскихъ управленій, безъ соблюденія Уставовъ строительнаго, пожарнаго и правилъ, установленныхъ въ огражденіе общественной безопасности и народнаго здравія. Въ г. Ташкентѣ, напр., разрѣшеніе на постройку частныхъ зданій въ туземной части дается полиціе-мастеромъ этой части. Для нѣкотораго расширенія улицъ строителю предлагается отступить внутрь двора, но не болѣе аршина, и притомъ по доброй его волѣ, такъ какъ никакихъ обязательныхъ правилъ по этому предмету не существуетъ. Городская же управа, повидимому, ничего не вѣдаетъ о туземныхъ постройкахъ, никакихъ разрѣшеній на нихъ не даетъ, что исключаетъ примѣненіе къ старому Ташкенту карательныхъ мѣръ за нарушеніе Уставовъ строительнаго и пожарнаго. Правда, что въ Туркестанскомъ краѣ истребленіе недвижимыхъ имуществъ пожарами—большая рѣдкость, вслѣдствіе чего даже въ большихъ городахъ, какъ, напр., Ташкентъ, въ которомъ 156.000 жителей, совсѣмъ не имѣется пожарныхъ командъ, тѣмъ не менѣе и въ старомъ Ташкентѣ пожары случаются, большею частью отъ самовозгаранія запасовъ клевера, обыкновенно помѣщающихся на крышахъ строеній. Особенно существуетъ большая опасность пожара въ центральномъ базарѣ, гдѣ находится болѣе 5000 деревянныхъ лавокъ, построенныхъ другъ возлѣ друга, повидимому, безъ брандмауеровъ, въ тѣсныхъ улицахъ, имѣющихъ въ ширину не болѣе 4—7 сажень. Въ виду отсутствія надлежащаго надзора за туземными постройками со стороны городского управленія и неизданія городскимъ управленіемъ обязательнаго постановленія о маломѣрныхъ участкахъ, постройки въ туземныхъ частяхъ туркестанскихъ городовъ отличаются необыкновенною скученностью,

улицы до того узки, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ трудомъ разѣзжаются двѣ арбы (туземный экипажъ на двухъ огромныхъ колесахъ).

Рѣшительно непонятно, на чемъ основывается это привилегированное положеніе туземныхъ частей туркестанскихъ городовъ, въ родѣ Ташкента, когда въ нихъ дѣйствуетъ русское городское Положеніе или упрощенное управленіе; въ думѣ засѣдаютъ туземные гласные, имѣется русское полицейское управленіе и пр., а между тѣмъ русскіе законы о городскомъ благоустройствѣ оказываются не для нихъ писанными? Это ненормальное положеніе, разумѣется, ведетъ къ продолженію того обособленія, которое существуетъ между мусульманскимъ и христіанскимъ міромъ и объ устраненіи котораго заботится правительство. Многія изъ должностныхъ лицъ увѣрили, что въ старомъ туземномъ Ташкентѣ найдется не мало стариковъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о русскомъ Ташкентѣ, ибо ни разу въ немъ не бывали и не желаютъ бывать изъ фанатизма, а можетъ быть и потому, что не совсѣмъ вѣрятъ въ упроченіе русскихъ, видя, что все остается по старому. Если обособленное положеніе туземныхъ городовъ желаютъ оправдать доставленіемъ удобства туземцамъ, дабы не нарушать ихъ вѣковыхъ обычаевъ, то врядъ-ли такой мотивъ заслуживаетъ серьезнаго возраженія: это мотивъ мусульманскій, а не русскій. Въ мотивахъ Государственнаго Совѣта по этому предмету сказано слѣдующее: *„обычаи, основанные на шаріатѣ, не могутъ быть признаваемы и поддерживаемы, когда они несогласны съ общимъ господствующимъ въ Имперіи порядкомъ“*. Если придерживаться взгляда сохраненія удобствъ восточной жизни и неприкосновенности туземныхъ обычаевъ, и быть послѣдовательнымъ, то зачѣмъ было уничтожать рабство, закрывать мѣстныя тюрьмы (клоповники, гдѣ преступники содержались хуже животныхъ), отмѣнять жестокія уголовныя наказанія, уничтожать должность райсы, который наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ обрядовъ мусульманской религіи и имѣлъ въ рукахъ даже карательную власть, и пр.?

Таковы правила закона о порядкѣ перехода правъ на не-

движимыя имущества между туземцами. Уступка же туземцами принадлежащихъ имъ правъ на земельные участки лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія совершается *порядкомъ, установленнымъ для купчихъ крѣпостей*, при чемъ въ доказательство правъ туземца на уступаемый земельный участокъ должно быть представлено свидѣтельство уѣзднаго начальника (а въ Ташкентѣ—начальника города), основанное *на удостовѣреніи мѣстнаго съѣзда народныхъ судей*. При этомъ покупатель пріобрѣтаетъ *тѣ только права на купленную землю, которыми пользовался продавецъ во время продажи* (208 и 261 ст. Пол. объ упр. Турк. края).

Для незнакомыхъ съ характеромъ мѣстнаго землевладѣнія слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторое поясненіе. На основаніи 255 ст. Пол. объ упр. Турк. края за осѣдлымъ сельскимъ населеніемъ утверждаются земли, состоящія *въ постоянномъ потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи на установленныхъ мѣстныхъ обычаяхъ основаніяхъ*. Редакція этой статьи выработана послѣ продолжительныхъ преній въ Государственномъ Совѣтѣ, а ранѣе—въ подготовительной комисіи графа Игнатъева, подвергнувшей поземельный вопросъ подробному и тщательному обсужденію, въ связи съ заключеніями по этому предмету подлежащихъ Министерствъ. Въ этой комисіи одними членами предполагалось признать земли осѣдлыхъ туземцевъ государственными, но находящимися въ наслѣдственномъ ихъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи, при чемъ главные доводы въ пользу этого мнѣнія были основаны на толкованіи началъ мусульманскаго права, другіе же члены находили, что земли эти должны считаться принадлежащими населенію на правѣ собственности. Государственный Совѣтъ, съ своей стороны, нашелъ неудобнымъ создавать такого рода государственную поземельную собственность, которая съ землями, принадлежащими государству по законамъ Имперіи, не имѣетъ ничего общаго, кромѣ названія.

Равнымъ образомъ Государственный Совѣтъ не находилъ возможнымъ признать земли осѣдлыхъ туземцевъ принадлежащими имъ на правѣ частной собственности; хотя выраженіе „наслѣдственное владѣніе, пользованіе и распоряженіе“

заключаетъ въ себѣ формально всѣ признаки, входящіе въ составъ понятія о собственности по русскому праву, но въ то же время *„невозможно быть увѣреннымъ въ томъ, что право собственности со всеми его послѣдствіями вполне соответствуетъ тѣмъ формамъ землевладѣнія, которыя существуютъ въ различныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края“*. Государственный Совѣтъ призналъ, что „вообще вопросъ о нынѣшнемъ поземельномъ устройствѣ осѣдлаго туземнаго населенія Туркестанскаго края, несмотря на всѣ старанія комисіи, направленные къ всестороннему его изслѣдованію, не находится еще на той степени зрѣлости, при которой возможно было бы постановить безповоротное по оному рѣшеніе“. Кроме того, особенность туркестанскаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, что оно мыслимо только при искусственномъ орошеніи, вслѣдствіе чего въ означенномъ краѣ выработалась освященная вѣковыми обычаями, весьма стройная ирригаціонная система, налагающая на каждаго владѣльца земли извѣстную повинность по устройству и поддержанію водоснабжающихъ сооружений и опредѣляющая его право пользованія водою сообразно степени участія въ означенной повинности. Принявъ во вниманіе вышеизложенное, Государственный Совѣтъ находилъ, что если за осѣдлымъ населеніемъ признано будетъ право собственности на занимаемыя имъ земли на основаніи нашихъ гражданскихъ законовъ, то за неимѣніемъ въ нихъ постановленій объ общественномъ пользованіи водою предстояло бы одно изъ двухъ: или составить и издать особое постановленіе по этому предмету, или признать за мѣстными обычаями, извѣстными намъ лишь въ общихъ чертахъ, силу закона, ограничивающаго дѣйствіе гражданскаго законодательства въ Имперіи.

Но такъ какъ и то, и другое въ настоящее время неисполнимо, то Государственный Совѣтъ выработалъ среднюю редакцію 255 ст., которая, съ одной стороны, оставляетъ неприкосновенными поземельныя права, коими издавна пользуются осѣдлые туземцы, а съ другой—не послужитъ предрѣшеніемъ частныхъ поземельныхъ вопросовъ, возникновеніе которыхъ неизбежно при будущей подробной регистраціи не-

движимыхъ имуществъ въ краѣ, и даетъ возможность укрѣпить за каждымъ владѣльцемъ такое право на землю, которое въ дѣйствительности ему принадлежитъ.

Послѣдствіемъ такой редакціи было то, что при передачѣ туземцами правъ своихъ на недвижимыя имущества въ купчихъ крѣпостяхъ постоянно упоминается: „владѣніе должно быть согласно 255 ст. Пол. объ упр. Турк. края“, чѣмъ давалось знать, что продавецъ передавалъ покупателю только тѣ права, которыми онъ пользовался въ моментъ продажи. Но такъ какъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ осѣдлаго туземнаго населенія съ 1886 г. нисколько впередъ не подвинулся и, какъ выразился Государственный Совѣтъ, все „еще не находится на той степени зрѣлости, при которой возможно было бы постановить безповоротное по оному рѣшеніе“, и никакого закона о правѣ пользованія водой не издано, хотя и появилось цѣнное изслѣдованіе по этому предмету Н. А. Дингельштедта ¹⁾, то означенная оговорка никакого практическаго значенія не имѣла. Русскіе владѣльцы, приобрѣвшіе земли отъ туземцевъ по купчимъ крѣпостямъ, считаютъ себя полными частными собственниками, ибо пользуются правомъ владѣнія, пользованія и распоряженія купленными землями, а въ чемъ заключаются тѣ особыя права, о которыхъ упомянуто въ 255 ст. Положенія, это никому неизвѣстно.

Нельзя сказать, чтобы правительство не сознавало ненормальности такого двойственнаго порядка по совершенію актовъ на недвижимыя имущества, который существуетъ въ Туркестанскомъ краѣ, одного—для актовъ о переходѣ недвижимыхъ имуществъ между туземцами, а другаго—между христіанами и между туземцами разныхъ народностей. Въ 1894 году въ Ташкентѣ была открыта коммисія изъ представителей Министерствъ Военнаго, Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Юстиціи, Государственнаго Контроля и мѣстной администраціи подъ предсѣдательствомъ

¹⁾ Николай Дингельштедтъ—Опытъ изученія ирригаціи Туркестанскаго края. Спб. 1893 г.

члена совѣта Министерства Финансовъ, тайнаго совѣтника Кобеко, „для ближайшаго выясненія какъ настоящаго положенія поземельно-податнаго дѣла, такъ и тѣхъ мѣръ, которыя оказались необходимыми для правильной постановки и ускоренія его“. На-ряду съ вопросами, вытекающими изъ прямой своей задачи,—поземельно-податнаго устройства края,—коммисія обратила большое вниманіе и на существующій въ краѣ порядокъ перехода недвижимыхъ имуществъ, какъ имѣющей тѣсную связь съ главнымъ вопросомъ, подлежащимъ ей обсужденію, и въ соображеніяхъ своихъ по этому предмету находила такой двойственный порядокъ явленіемъ совершенно ненормальнымъ по слѣдующимъ основаніямъ, которыя я изложу дословно въ виду ихъ важности.

1) „Туземцы освобождены отъ уплаты крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ и такимъ образомъ поставлены въ лучшія, болѣе льготныя условія сравнительно съ лицами христіанскаго вѣроисповѣданія, слѣдовательно и съ русскими людьми, въ отношеніи одного изъ самыхъ существенныхъ институтовъ гражданскаго права.

2) „Закономъ не установлено никакой формы, по которой должны были бы совершаться народными судьями акты о переходѣ недвижимыхъ имуществъ, и никакого порядка въ отношеніи территоріальности, такъ что каждый народный судья могъ совершать этого рода акты не только на имущество, находящееся въ его участкѣ, но и на всякое другое;

3) „Народные судьи не обязаны удостовѣряться въ принадлежности имущества лицу, которое совершаетъ на него актъ продажи, что повлекло за собою, съ одной стороны, неустойчивость владѣнія недвижимостями и затруднило свободное и правомѣрное ихъ размѣщеніе, а съ другой—явилась возможность совершать въ народномъ судѣ продажи земель государственныхъ ¹⁾).

¹⁾ Это опасеніе, мнѣ кажется, не вполне основательно. Дѣло не въ томъ, что слѣды народныхъ судей совершить документъ на государственную землю, а въ томъ, что произошелъ фактъ завладѣнія, который чрезъ 10 лѣтъ можетъ обратиться въ право полной частной собственности, если собственникъ не прерветъ этого владѣнія путемъ исковымъ и судъ не присудитъ ему захваченнаго имуще-

4) „Устраненіе русскихъ учреждений и должностныхъ лицъ отъ участія въ совершеніи туземцами актовъ о переходѣ недвижимостей, предоставленіе совершенія таковыхъ въ полное вѣдѣніе народныхъ судовъ, обширная компетенція этихъ судовъ въ области гражданскаго и уголовного права и, главнымъ образомъ, признаніе окончательными рѣшеній народнаго суда—все это до небывалой степени возвысило значеніе и вліяніе народныхъ судей въ глазахъ туземцевъ, что едва-ли въ интересахъ русской политики въ край съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ, и

5) „Совершенное обособленіе туземцевъ въ области гражданскихъ правоотношеній самымъ неблагоприятнымъ образомъ отражается на дѣлѣ сплоченія ихъ съ русскимъ населеніемъ и, безъ сомнѣнія, надолго замедлитъ приобщеніе ихъ къ русской гражданственности“.

Кажется, нельзя рельефнѣе изобразить неудобства порядка, созданнаго Туркестанскимъ Положеніемъ 1886 г. по разбираемому вопросу. Съ своей стороны, для бѣльшаго убѣжденія, я приведу выписку изъ мотивовъ, изложенныхъ въ объяснительной запискѣ Государственнаго Совѣта къ проекту Положенія 1886 г. по тому же предмету.

„Обсуждая, затѣмъ, проектированное устройство народнаго суда, нельзя не замѣтить, что и въ этомъ отношеніи проектъ идетъ далѣе допускавшейся донныѣ степени самостоятельности установленій, вѣдающихъ судъ и расправу у туземцевъ. Такъ, на Кавказѣ хотя и сохранены мѣстные народные суды, но они поставлены подъ ближайшій надзоръ русской администраціи, при чемъ даже предсѣдательство въ этихъ судахъ ввѣрено правительственному чиновнику; въ

ства и не сдѣлаетъ надлежащаго о передачѣ онаго распоряженія (ст. 531 т. X ч. 1). Безспорное и спокойное владѣніе на правѣ собственности въ теченіе 10 лѣтъ превращается въ полную собственность, хотя-бы у владѣльца не было никакого документа, а земля перешла къ нему путемъ простаго захвата, что въ Туркестанскомъ край случается нерѣдко, ибо здѣсь государственныя земли до сего времени не только были безъ всякой охраны, но даже не приведены и въ извѣстность. Слѣдуетъ надѣяться, что со введеніемъ въ край управленія государственныхъ имуществъ будетъ положенъ предѣлъ самовольнымъ захватамъ государственной собственности.

дѣлахъ же уголовныхъ имъ присвоена лишь роль, близкая къ положенію присяжныхъ засѣдателей, ибо опредѣленіе наказанія главнѣйше зависитъ отъ лица административнаго, между тѣмъ, по проекту, народный судъ въ Туркестанѣ получаетъ характеръ вполне самостоятельнаго учрежденія, вполне свободнаго отъ всякаго воздѣйствія со стороны мѣстной правительственной власти. Ему присваивается обширнѣйшая юрисдикція, охватывающая всѣ безъ изыятія дѣла гражданскія и большую часть преступленій и проступковъ. При этомъ народный судъ рѣшаетъ всѣ дѣла окончательно и жалобъ на него къ русской власти не допускается". Несмотря на такое осужденіе независимости народного суда, Государственный Совѣтъ утвердилъ проектъ въ предложенной редакціи, но при этомъ имѣлъ въ виду такія соображенія, которыя въ настоящее время уже почти утратили свое значеніе: „нынѣ успѣхъ Россіи въ Средней Азіи можно считать обезпеченнымъ, и въ средѣ русскихъ можно найти контингентъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ бытомъ туземнаго населенія и притомъ способныхъ приобрести довѣріе и уваженіе населенія. Лицамъ, слѣдящимъ за востокомъ, долженъ быть извѣстенъ знаменитый ориенталистъ Вамбери, который еще во времена независимости Туркестана, незадолго до взятія русскими Ташкента, въ видахъ научныхъ, а отчасти и политическихъ, пользуясь знаніемъ восточныхъ языковъ, прошелъ весь Туркестанскій край въ образѣ ученаго турецкаго муллы, въ чалмѣ и халатѣ, ежедневно рискуя своею головою. Онъ благополучно вернулся въ Европу, оставивъ намъ цѣнное описаніе своего путешествія. Мы имѣемъ своихъ Вамбери, хотя и въ другой обстановкѣ. Всякій знаетъ въ Ташкентѣ интеллигентнаго человѣка, который надѣлъ чалму и халатъ и поселился между туземцами, прожилъ между ними нѣсколько лѣтъ, какъ природный туземецъ, и въ совершенствѣ изучилъ мѣстный языкъ и обычаи, а затѣмъ вновь возвратился въ наше общество, гдѣ и примѣняетъ свои богатыя познанія. И это не единственный примѣръ. Другой, съ выдающимися практическими знаніями не только восточныхъ языковъ (арабскаго, персидскаго и мѣстнаго

сартовскаго), но классическихъ и новыхъ, въ томъ числѣ и англійскаго, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Индіи и Австраліи съ цѣлю усовершенствованія своихъ познаній въ языкахъ. Наконецъ, весьма многіе изъ чиновъ мѣстной администраціи, уѣздные начальники, ихъ помощники, чины полиціи, учителя и пр. въ совершенствѣ знаютъ туземный языкъ и въ теченіе продолжительной службы имѣли возможность близко ознакомиться съ юридическими обычаями туземцевъ“. Поэтому можно считать, что наступило время подчинить народный судъ русскому влиянію и ограничить его юрисдикцію хотя въ качествѣ нотаріальнаго учрежденія. Къ этому убѣжденію пришла и комиссія т. с. Кобеко, которая признала, что наступило время измѣнить порядокъ совершенія актовъ о переходѣ недвижимыхъ имуществъ какъ между туземцами, такъ и отъ нихъ къ лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія.

Въ комиссію былъ представленъ бывшимъ нотаріусомъ проектъ, подвергнутый всестороннему обсужденію, но непринятый, между прочимъ, потому, что онъ требовалъ новаго ежегоднаго расхода со стороны государственнаго казначейства и непомѣрныхъ расходовъ со стороны населенія, хотя комиссія, съ своей стороны, признала, что распространеніе на туземное населеніе крѣпостнаго порядка перехода недвижимыхъ имуществъ было бы вполнѣ дѣйствительнымъ средствомъ для устраненія тѣхъ недостатковъ, которые замѣчаются нынѣ въ гражданскомъ устройствѣ края. Таковая мѣра обезпечивала бы равномерный переходъ недвижимыхъ имуществъ, устанавливала бы твердое и спокойное владѣніе ими, послужила бы основаніемъ къ поземельному кредиту, устраняла бы влияніе и значеніе народнаго суда и уравнивала бы права туземцевъ и не принадлежащихъ къ туземному населенію лицъ въ одной изъ наиболее важныхъ областей гражданскаго права, доставила бы казнѣ новый и довольно значительный источникъ дохода и, наконецъ, путемъ введенія на окраинѣ общаго имперскаго порядка, безъ сомнѣнія, являлась бы весьма надежнымъ средствомъ сплоченія туземцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Комиссія однакоже не нашла возможнымъ примѣнить во всей полнотѣ

общій порядокъ совершенія актовъ въ виду того, что онъ во много разъ увеличивалъ бы расходы, которые несетъ въ настоящее время туземное населеніе при совершеніи сдѣлокъ о переходѣ недвижимостей, что это населеніе не знаетъ русскаго языка, въ большинствѣ случаевъ безграмотно и пр., а съ своей стороны предложила слѣдующія мѣры:

1) Туземцамъ должно быть предоставлено право совершать въ русскихъ судебныхъ установленіяхъ акты о продажѣ недвижимыхъ имуществъ, если состоится соглашеніе о томъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Коммисія находила, что предоставленіе туземцамъ этого права дало бы возможность всѣмъ, желающимъ приобрести *„твердыя и прочныя права на недвижимость“*, осуществить это желаніе безпрепятственно, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ порядокъ, не будучи обязательнымъ, не стѣснить и тѣхъ туземцевъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ сочтутъ возможнымъ *„удовольствоваться туземными документами, не имѣющими силы крѣпостныхъ актовъ, но болѣе дешевыми и легче доступными.“*

2) Для упорядоченія перехода недвижимыхъ имуществъ между туземцами установить слѣдующія правила: а) документы о куплѣ-продажѣ недвижимыхъ имуществъ должны быть совершаемы обязательно тѣмъ народнымъ судьей, въ участкѣ коего находится продаваемое имущество. Продавцомъ долженъ быть представленъ документъ на право владѣнія продаваемымъ имуществомъ; если же такового не имѣется, то независимо отъ показанія свидѣтелей, указанныхъ въ ст. 226, народный судья обязанъ удостовѣриться въ принадлежности продавцу переуступаемаго участка; б) документы о куплѣ-продажѣ туземцами недвижимыхъ имуществъ должны быть писаны по однообразной формѣ, утвержденной генералъ-губернаторомъ, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ обязательно помѣщались слѣдующія свѣдѣнія: имя продавца и покупателя, указаніе мѣста нахождения продаваемой недвижимости, количества земли и границъ имѣнія, цѣны, за которую имѣніе продано, документа и свидѣтелей, удостовѣрившихъ принадлежность продавцу переуступаемой недвижимости, и способа, коимъ судья удостовѣрился самъ въ такой принадлежности; в) при

совершеніи актовъ о продажѣ туземцами недвижимыхъ имуществъ народнымъ судьей взимается въ пользу казны пошлина, равная крѣпостной, въ размѣрѣ 4% стоимости переходящаго имущества, которая не можетъ быть ниже законной оцѣнки земель Туркестанскаго края. Коммисія при этомъ высказала то соображеніе, что взысканіе всѣхъ сборовъ (актовыхъ, гербовыхъ и публикаціонныхъ), которыми оплачивается въ Имперіи переходъ недвижимыхъ имуществъ, представляется несправедливымъ, потому что документы эти не будутъ имѣть силы крѣпостныхъ актовъ. Что же касается таблицы законной оцѣнки земель, то составленіе таковой коммисія считаетъ совершенно необходимымъ какъ для настоящей цѣли, такъ и въ виду возможнаго распространенія на туземцевъ Туркестанскаго края Положенія о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, введеніе котораго задерживалось до сего времени, между прочимъ, отсутствіемъ таковой таблицы въ нѣкоторыхъ областяхъ. Засимъ коммисія устанавливаетъ особый надзоръ за правильностію взиманія и сдачи въ казну крѣпостной пошлины.

Позволяю себѣ разобрать всѣ эти предположенія коммисіи.

1) Предоставленіе туземцамъ права совершать купчія крѣпости въ русскихъ установленіяхъ, если они пожелаютъ приобрести „твердыя и прочныя права на имущества“ и не пожелаютъ удовольствоваться „туземными документами, не имѣющими силы крѣпостныхъ актовъ, но болѣе дешевыми и легче доступными“, является желаніемъ нѣсколько запоздавшимъ и неправильно мотивированнымъ. Если до послѣдняго времени этотъ порядокъ не практиковался, то совѣмъ не потому, что законъ воспрещалъ туземцамъ совершать въ русскихъ учрежденіяхъ всякаго рода акты, въ томъ числѣ и о недвижимости, какъ это предоставлено и сельскимъ обывателямъ въ Имперіи, правами коихъ пользуются и туземцы Туркестанскаго края, а потому, что экономическая жизнь не предъявляла этихъ требованій съ настоячивостію, а мѣстные органы правительственной власти слишкомъ узко, по канцелярски, понимали законъ. Но въ послѣдніе годы Самар-

кандскій нотаріатъ совершалъ акты объ отчужденіи и ограниченіи правъ собственности туземцевъ на принадлежащія имъ недвижимыя имущества, отбирая лишь отъ сторонъ подписки, согласно 212 ст. Турк. Пол., о желаніи ихъ совершить документъ въ русскомъ судѣ. Далѣе, если туземецъ пожелаетъ имѣть крѣпостной документъ на свое недвижимое имущество не для отчужденія такового, а для ограниченія своихъ правъ путемъ залога или полученія залоговаго свидѣтельства для представленія въ обезпеченіе исправности по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, то и это нынѣ допускается, по крайней мѣрѣ въ Сыръ-Дарьинскомъ нотаріальномъ архивѣ. Это дѣлается такимъ образомъ: туземецъ представляетъ нотаріусу свидѣтельство, выданное ему начальникомъ города или уѣзда на основаніи 208 ст. Турк. Пол., и послѣдній совершаетъ по нему данную, которую затѣмъ старшій нотаріусъ и отмѣчаетъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ. По этой данной владѣлецъ можетъ или отчудить свое право, или ограничить его путемъ залога. Ипотечное право могло быть осуществлено и просто выдачею залоговаго свидѣтельства по такому же свидѣтельству, выданному начальникомъ города или уѣзда на право владѣнія по 208 ст. Положенія, при чемъ имущество, право собственности на которое владѣлецъ предполагаетъ ограничить, должно быть занесено предварительно въ реестръ крѣпостныхъ дѣлъ, и такимъ порядкомъ оно уже изымается изъ юрисдикціи народнаго суда. Такой порядокъ вытекаетъ изъ яснаго смысла закона, ибо если для отчужденія туземцемъ правъ на недвижимость лицу христіанскаго вѣроисповѣданія достаточно представленія свидѣтельства начальника города и уѣзда, выдаемаго на основаніи 208 ст. Пол., то тѣмъ болѣе возможно по такому свидѣтельству осуществленіе права, менѣе значительнаго по своему содержанію, т. е. права ограниченія своей собственности. Этимъ простымъ, но вполне законнымъ и удобнымъ путемъ достигается водвореніе въ край твердаго, спокойнаго и правомѣрнаго владѣнія недвижимыми имуществами безъ всякихъ новыхъ проектовъ и возможность развитія поземельнаго кредита.

Нельзя не обратить вниманія на заявленіе комиссіи о томъ, что туземные документы, будто-бы, не даютъ *твердыхъ и прочныхъ правъ на недвижимости подобно крѣпостнымъ документамъ*. Съ этимъ совершенно нельзя согласиться. Если законъ предоставилъ право народнымъ судьямъ свидѣтельствовать всякаго рода сдѣлки о недвижимости, совершаемыя между туземцами, то таковыя акты должны быть признаваемы законными доказательствами существованія тѣхъ или другихъ юридическихъ отношеній, которыя ими удостовѣряются, и не только для суда народнаго, но и въ судѣ русскомъ.

Такъ обыкновенно и бываетъ на практикѣ, что по туземнымъ документамъ возможно домогаться судебной защиты и въ русскихъ судебныхъ установленіяхъ. Представимъ себѣ такой случай. Лицо христіанскаго вѣроисповѣданія по исполнительному листу обращаетъ взысканіе на недвижимое имущество туземца, но третье лицо, находя, что описанное имущество принадлежитъ ему, а не должнику, въ предотвращеніе публичной продажи, предъявляетъ, на основаніи 1197 ст. Уст. гражд. суд., искъ объ освобожденіи имущества отъ описи. Такой искъ, на основаніи 173 и 194 ст. Пол. объ упр. Турк. края, подсуденъ русскому суду, такъ какъ истецъ и отвѣтчикъ разныхъ народностей. Въ доказательство своего права собственности на описанное за чужой долгъ имущество истецъ представляетъ туземный, казіійскій документъ. Неужели русскій судъ можетъ отвергнуть этотъ документъ, потому что онъ „не даетъ твердыхъ и прочныхъ правъ на недвижимость“? Напротивъ, судъ долженъ признать представленный актъ законнымъ доказательствомъ права собственности, если онъ засвидѣтельствованъ съ соблюденіемъ всѣхъ условій, указанныхъ въ 236 ст. Пол.

Въ этомъ случаѣ судъ долженъ руководствоваться общимъ правиломъ, выраженнымъ въ особомъ приложеніи къ IX т. Зак. о сост., гдѣ сказано, что „записи, внесенныя въ книгу сдѣлокъ и договоровъ“, которыя ведутся при каждомъ волостномъ правленіи, „а равно выдаваемыя съ нихъ засвидѣтельствованныя копии имѣютъ, въ случаѣ спора,

силу судебного доказательства, если признаются дѣйствительными¹⁾.

Такимъ образомъ существующій способъ совершенія актовъ на недвижимости между туземцами не только дешевъ и доступенъ, но и даетъ туземцамъ вполне твердое и спокойное право на недвижимость, пользующееся судебной защитой въ случаѣ его нарушенія, *придать же этимъ документамъ силу крѣпостныхъ, т. е. способныхъ къ гражданскому обороту въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ* между частными лицами, для представленія въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ и пр., *возможно простою отсылкою въ реестръ крѣпостныхъ для выданнаго на владѣніе свидѣтельства, какъ это дѣлается въ отношеніи данныхъ, со взысканіемъ установленныхъ пошлинъ актовыхъ, публикаціонныхъ и гербовыхъ, но не крѣпостныхъ, такъ какъ никакого перехода имущества не происходитъ, а за владѣльцемъ утверждаются лишь тѣ права, которыя онъ уже имѣлъ. Если тѣмъ не менѣе признается необходимымъ измѣнить этотъ исключительный порядокъ и установить общій, то совсѣмъ не съ цѣлью доставить туземцамъ (или даже желающимъ изъ нихъ) твердыя и прочныя права на имущества (они и такъ ихъ имѣютъ), а въ видахъ соображеній высшаго порядка, въ видахъ сплоченія туземцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ на почвѣ равенства въ податяхъ, пошлинахъ и повинностяхъ, съ цѣлью положить конецъ ихъ обособленному положенію и уравниять съ русскими въ одной изъ наиболѣе важныхъ областей гражданскаго права и тѣмъ ограничить значеніе народнаго суда, а также доставить казнѣ новый источникъ дохода.*

Итакъ, предоставленіе въ самомъ законѣ туземцамъ права совершать въ русскихъ учрежденіяхъ акты о недвижимыхъ имуществахъ является отчасти излишнимъ, ибо это и безъ того не было запрещено и допускалось судебною практикою,

¹⁾ Особое прилож. къ IX т. Зап. о сост., Положеніе о башкирахъ 19 февр. 1861 г., ст. 70, и соответствующія статьи Пол. о кр., выш. изъ кр. зав., Пол. о кр. б. госуд., о кр. Закавказ. губ. и пр.

но слѣдуетъ установить, что при отмѣткѣ туземнаго документа въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ разыскиваются установленныя пошлины, за исключеніемъ крѣпостныхъ, если конечно правительство не придетъ къ убѣжденію въ необходимости и своевременности введенія между туземцами нотаріальнаго Положенія въ полномъ объемѣ, о чемъ будетъ сказано ниже.

2) Коммисія предполагаетъ упорядочить переходъ недвижимыхъ имуществъ между туземцами установленіемъ особыхъ формъ при написаніи актовъ съ тѣмъ, чтобы въ нихъ обозначалось не только мѣстонахожденіе имущества и количество земли, но и границы, что обязательно даже и для купчихъ крѣпостей по русскому праву. Требуется далѣе, чтобы въ случаѣ неимѣнія у продавца документа народный судья производилъ удостовѣреніе о принадлежности продавцу участка тѣми способами, какіе онъ найдетъ нужными. Для чего вводить всѣ эти стѣсненія и вторгаться въ область туземныхъ обычаевъ, если по-прежнему предполагается оставить въ вѣдѣніи народныхъ судей совершеніе актовъ о недвижимыхъ имуществвахъ? Къ чему обозначеніе способа удостовѣренія о принадлежности участка продавцу, когда русская власть по-прежнему не можетъ входить въ существо этихъ нотаріальныхъ сдѣловъ между туземцами, ибо если окажется, что продавецъ отчудитъ имущество, ему не принадлежащее, то онъ будетъ отвѣчать передъ тѣмъ же самымъ народнымъ судомъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ порядкѣ, если по существующимъ обычаямъ такой поступокъ считается уголовно-наказуемымъ. Такая регламентація есть вторженіе въ область народнаго обычая безъ всякой пользы съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Правда, въ разсужденіяхъ коммисіи проглядываетъ то соображеніе, что при требованіи отъ судьи точнаго удостовѣренія о принадлежности продавцу участка, устранится возможность совершенія казійскихъ и бійскихъ документовъ на земли государственныя. Но такое опасеніе совершенно неосновательно: въ городскихъ поселеніяхъ не имѣется казенныхъ свободныхъ, такъ сказать, туне-лежащихъ, какъ въ уѣздахъ, участковъ, всѣ они имѣютъ ближайшихъ

хозяевъ,—разныя учрежденія военнаго и гражданскаго вѣдомства,—и захватъ ихъ почти невозможенъ; что же касается государственныхъ земель въ уѣздахъ, то суть не въ томъ, что народный судья совершитъ документъ о продажѣ государственной земли, а въ томъ, что произошелъ захватъ казеннаго земельного участка вслѣдствіе недостатка надзора. Если же мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ своевременно не выдворитъ своевольнаго насельника, и послѣдній провладѣетъ землею на правѣ собственности въ теченіе земской давности, то приобрѣтаетъ право собственности, хотя-бы и не имѣлъ никакого документа, можетъ защищаться этимъ правомъ противъ иска бывшаго собственника и даже можетъ получить въ охранительномъ порядкѣ крѣпостной документъ.

3) Теперь перехожу къ разсмотрѣнію самаго главнаго предположенія комиссіи—о введеніи особой пошлыны въ 4% съ законной оцѣнки имущества при совершеніи купчихъ крѣпостей народными судьями.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что пора уничтожить привилегированное положеніе туземцевъ и вспомнить взглядъ правительства, выраженный въ приведенныхъ выше мотивахъ Государственнаго Совѣта: „водворяя среди покоренной страны законный порядокъ, русская власть не можетъ стать къ ея населенію въ иныя отношенія, чѣмъ къ остальнымъ своимъ подданнымъ и руководствоваться началами, несогласными съ общимъ господствующимъ въ Имперіи порядкомъ“. Пользуясь всѣми правами городскихъ и сельскихъ обывателей, смотря по мѣсту своего жительства, имѣя возможность приобрѣтать преимущества, присвоенныя другимъ состояніямъ Имперіи на основаніи общихъ законовъ, туземцы пользуются не только безпошлиннымъ правомъ купли-продажи недвижимыхъ имуществъ, но освобождены и отъ уплаты пошлыны за безмездный переходъ имуществъ, даже въ томъ случаѣ, когда переходъ совершается отъ лицъ или къ лицамъ, приобрѣвшимъ преимущества прочихъ состояній Имперіи (купцовъ, почетныхъ гражданъ, дворянъ личныхъ и потомственныхъ). Мѣстная власть одарена склонностью толковать права

туземцевъ въ наиболѣе распространительномъ смыслѣ и надѣляетъ ихъ несудимыми грамотами даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они приобрѣтаютъ права русскихъ состояній ¹⁾.

Поэтому слѣдуетъ привѣтствовать всякія предположенія высшей власти, вносящіяся къ установленію въ завоеванномъ краѣ общаго имперскаго порядка. Но предполагаемое коммисією оставленіе въ вѣдомствѣ народнаго суда совершенія актовъ на недвижимыя имущества со введеніемъ особыхъ правилъ о взисканіи крѣпостныхъ пошлицъ врядъ-ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Оно не достигаетъ тѣхъ цѣлей, которыя имѣются въ виду при введеніи въ краѣ полнаго нотаріальнаго порядка по указанію самой коммисіи, а именно: установленіе твердаго, спокойнаго владѣнія недвижимою собственностью, могущаго служить основаніемъ къ развитію поземельнаго кредита, устраненіе вліянія и значенія народнаго суда, уравниеніе правъ туземцевъ и не принадлежащихъ къ туземному населенію лицъ въ одной изъ наиболѣе важныхъ областей гражданскаго права, что служило бы надежнымъ средствомъ сплоченія туземцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ; достигалась бы лишь одна цѣль—увеличеніе государственныхъ доходовъ. Коммисія находитъ, что введенію въ краѣ нотаріальнаго Положенія въ полномъ объемѣ препятствуютъ слѣдующія условія: безграмотность населенія и незнакомство его съ русскими судебными порядками, разбросанность поселеній и отдаленность нѣкоторыхъ изъ нихъ не только отъ областныхъ, но и отъ уѣздныхъ городовъ, тяжесть прямыхъ и побочныхъ расходовъ при совершеніи актовъ крѣпостнымъ порядкомъ и, наконецъ,—большая дробность городскихъ имуществъ, между которыми дѣйствительно встрѣчаются владѣнія въ 10—20 кв. сажень съ постройками. Но все эти условія врядъ-ли могутъ быть признаны уважительными. Тѣ же самыя условія: незнакомство населенія съ судебными порядками, его разбросанность и безграмотность имѣютъ свое дѣйствіе и во всей

¹⁾ Объ этомъ подробно говорится въ моихъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ МЭМ 50, 80 и 81 „Юридич. Газ.“.

обширной Сибири, однако они не препятствовали введенію въ дѣйствіе нотаріальнаго Положенія въ полномъ объемѣ. Тяжесть прямыхъ и побочныхъ расходовъ въ равной мѣрѣ существуетъ для русскаго населенія во всей Сибири, тѣмъ не менѣе и разговора нѣтъ о томъ, чтобы какъ-нибудь упростить этотъ порядокъ и облегчить населеніе. Наконецъ, въ томъ же Туркестанскомъ краѣ русскіе и вообще лица христіанскихъ вѣроисповѣданій подчинены общему нотаріальному порядку какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, и этому не препятствуютъ ни дальность разстояній населенныхъ пунктовъ отъ уѣздныхъ и областныхъ центровъ, ни разбросанность ихъ, ни тяжесть побочныхъ расходовъ. Объ устраненіи этихъ послѣднихъ стѣсненій никто не заботится, хотя они касаются не однихъ личныхъ интересовъ, а имѣютъ государственное значеніе, ибо препятствуютъ развитію въ краѣ русской колонизаціи вообще и въ частности русскаго землевладѣнія. Дробность имущества существуетъ только въ городахъ, которые до сего времени не издали обязательныхъ постановленій о маломѣрныхъ участкахъ, какъ то требуется строительнымъ Уставомъ. Городскіе участки принадлежатъ туземцамъ на правѣ полной частной собственности; они подлежатъ оплатѣ оцѣночнаго налога и съ этою цѣлью вносятся въ городскія книги, при чемъ при каждой переимѣнѣ домовладѣльца мѣстные народные судьи, подобно старшимъ нотаріусамъ (ст. 178¹ Пол. нотар.), сообщаютъ городскимъ управленіямъ объ актахъ, совершенныхъ ими на недвижимыя имущества въ предѣлахъ туземныхъ частей городовъ. Наконецъ, во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края и Степнаго генераль-губернаторства существуетъ городская оцѣнка всѣхъ недвижимыхъ имущества, которая служитъ и законною оцѣнкою для руководства при опредѣленіи размѣра крѣпостной пошлины и цѣнности актовъ бумажной (ст. 209 т. V Уст. о пошл.).

Такимъ образомъ въ отношеніи городскихъ имущества не имѣется ни одного изъ тѣхъ условій, которыя, по мнѣнію комиссіи, служатъ препятствіемъ къ полному введенію въ нихъ нотаріальнаго Положенія. Остается только считаться съ дорого-

визною новаго порядка, но это обстоятельство врядъ-ли можетъ быть признано существеннымъ препятствіемъ. Дѣйстви-тельно, новый порядокъ совершенія актовъ будетъ стоять для туземцевъ значительно дороже, но что же изъ этого? Всѣ русскіе пришлые находятся въ такомъ же положеніи, а блага цивилизаціи и возможность жить въ городахъ благоустроенныхъ чего-нибудь да стоитъ для туземцевъ, которые не несутъ воинской повинности ни натурою, ни въ видѣ особаго налога, какъ нѣкоторыя кавказскія племена, не платятъ гербовыхъ сборовъ и пошлинъ при безмездномъ переходѣ имуществъ, не несутъ квартирнаго налога (онъ еще не введенъ въ Туркестанскомъ краѣ), а между тѣмъ пользуются всѣми выгодами цивилизаціи. Поэтому подчиненіе ихъ крѣпостному порядку, общему для всѣхъ подданныхъ, и платежу всѣхъ пошлинъ (крѣпостныхъ, актовыхъ, публикаціонныхъ и гербовыхъ по суммѣ акта) является актомъ величайшей справедливости, для выполненія коего не требуется со стороны правительства никакихъ новыхъ расходовъ. Доходъ отъ крѣпостныхъ пошлинъ долженъ быть довольно значительный, судя по количеству недвижимыхъ имуществъ, напр., въ г. Ташкентѣ; по оцѣннымъ книгамъ Ташкентской городской управы въ 1890 г. на 130.000 туземнаго населенія значилось 37.180 отдѣльныхъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ туземцамъ въ четырехъ частяхъ туземнаго (т. е. стараго) Ташкента. Такъ какъ съ оцѣночнаго рубля въ городской оцѣночный налогъ взимается $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ коп. въ земскій сборъ, а сумма того и другаго въ означенномъ году была исчислена въ 131.070 руб. 40 $\frac{1}{2}$ коп., то стоимость всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ старомъ Ташкентѣ опредѣляется такимъ образомъ въ 13.107.040 руб. 50 коп. ¹⁾

Что же касается до совершенія актовъ на недвижимыя имущества въ уѣздахъ, то и здѣсь указанныя комиссіею причины, препятствующія введенію нотаріальнаго Положенія въ полномъ объемѣ—малограмотность населенія, разбросанность населенныхъ пунктовъ и отдаленность ихъ отъ област-

¹⁾ Отзывъ Ташкентской городской управы отъ 24 ноября 1890 г. за № 1239.

ныхъ и уѣздныхъ центровъ,—врядъ-ли могутъ служить непреодолимымъ препятствіемъ, такъ какъ ни продавцу, ни покупателю нѣтъ надобности ѣхать въ областной городъ, а лишь въ контору младшаго нотаріуса, въ ближайшій уѣздный городъ, такъ какъ въ каждомъ уѣздѣ есть нотаріусъ или исполняющій его обязанности мировой судья, притомъ же разбросанность населенія встрѣчается только на окраинахъ, а въ срединѣ Туркестанскаго края населеніе живетъ скученно, группируясь около городовъ; всю Ферганскую область можно назвать однимъ, густо населеннымъ пунктомъ, такъ какъ здѣсь на пространствѣ 1600 кв. миль живетъ болѣе 1¹/₂ милл. человекъ.

Но такъ какъ осѣдлые туземцы въ уѣздахъ не имѣютъ полного права частной собственности на занимаемые ими земельные участки (ст. 255 Пол. объ упр. Турк. края и объяснительная записка Государственнаго Совѣта), то крѣпостной (нотаріальный) порядокъ совершенія актовъ на недвижимыя имущества можетъ и не приняты въ уѣздахъ между осѣдлымъ сельскимъ населеніемъ, за которымъ земли утверждаются на основаніяхъ, установленныхъ мѣстными обычаями. По общему порядку, существующему въ сельскихъ, крестьянскихъ обществахъ, правами коихъ пользуются и туземцы Туркестанскаго края, акты о передачѣ ими правъ на недвижимыя имущества должны совершаться не въ народныхъ судахъ, а волостными управителями, которые, на основаніи 98 ст. Пол. объ упр. Турк. края и 78 ст. Пол. объ упр. Степн. обл., дѣйствуютъ согласно постановленій, преподаваемыхъ учрежденіямъ общественнаго управленія сельскихъ обывателей въ Имперіи, а этимъ послѣднимъ предоставлено право всѣ сдѣлки о недвижимости совершать при волостныхъ правленіяхъ ¹⁾. Въ началѣ настоящей статьи я привелъ соображенія, въ силу которыхъ этотъ порядокъ, общій для сель-

¹⁾ Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и частныя Положенія, а также Высочайше утвержденное 26 января 1881 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о порядкѣ отчужденія крестьянами усадебной осѣдлости и прочаго недвижимаго имущества.

скаго населенія Имперіи, слѣдуетъ считать вполне цѣлесообразнымъ и для Туркестанскаго края, тѣмъ болѣе, что таковой существуетъ въ сопредѣльномъ съ Туркестаномъ Степномъ краѣ, находящемся въ сходныхъ съ нимъ бытовыхъ условіяхъ.

Какая разница между волостнымъ управителемъ и народнымъ судьей въ уѣздѣ? И тотъ, и другой по закону могутъ быть и въ дѣйствительности часто бываютъ безграмотными; и тотъ, и другой одинаково знакомы съ народными обычаями, но суть въ томъ, что управитель, какъ органъ административной власти, состоитъ въ непосредственной зависимости отъ уѣзднаго начальника, онъ получаетъ за службу жалованье и долженъ прислушиваться къ голосу русскихъ требованій, слѣдовательно, при совершеніи какого-либо неправильнаго акта на землю или продажи государственной земли, русская власть, въ лицѣ уѣзднаго начальника, можетъ принять мѣры къ восстановленію нарушеннаго права казны и сообщить въ управленіе государственныхъ имуществъ о совершившемся захватѣ. Хотя волостные управители, такъ же какъ и народные судьи, избираются на должность населеніемъ, но въ исключительныхъ случаяхъ Туркестанскому и Степному генераль-губернаторамъ, а въ областяхъ Уральской и Тургайской—мѣстнымъ губернаторамъ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, предоставлено право не утверждать избранныхъ на должность управителей лицъ, а назначать таковыхъ по своему усмотрѣнію,—но народныхъ судей нельзя опредѣлять по назначенію, а можно только касировать выборы.

Этимъ же административнымъ органамъ, т. е. волостнымъ управителямъ, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, предоставить и *выдачу свидѣтельствъ на право владѣнія при переуступкѣ туземцами своихъ правъ на недвижимыя имущества лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія* (ст. 208 Пол. объ упр. Турк. края), что коммисія предполагаетъ изъять изъ вѣдѣнія съѣздовъ народныхъ судей и предоставить судьямъ единоличнымъ. Разсужденія коммисіи по этому предмету нельзя не признать совершенно основательными, но ея заключенія и пред-

положенія не вполне оправдываются этими разсужденіями. Коммисія не одобряетъ предоставленіе народному суду обширной и безконтрольной юрисдикціи и говоритъ, что обширная компетенція этихъ судовъ въ области гражданскаго и уголовнаго права и признаніе окончательными ихъ рѣшеній до небывалой степени возвысили вліяніе и значеніе судей въ глазахъ туземцевъ, что едва-ли въ интересахъ русскаго правительства. „Большое обособленіе туземцевъ въ области гражданскихъ правоотношеній“—говоритъ далѣе коммисія—*„самымъ неблагопріятнымъ образомъ отражается на дѣлѣ сплоченія ихъ съ русскимъ населеніемъ и безъ сомнѣнія надолго замедлитъ приобщеніе ихъ къ русской гражданственности.“* Но, несмотря на такое категорическое заявленіе, все-таки предполагается предоставить тѣмъ же народнымъ судьямъ, но уже единолично, а не съѣздамъ, какъ установлено дѣйствующимъ Положеніемъ 1886 г., право производить удостовѣренія о принадлежности продавцамъ отчуждаемыхъ ими земельныхъ участковъ. Основательно ли это? Практика минувшаго десятилѣтія показала, что если въ Ташкентскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстахъ произошелъ захватъ государственной и общественной собственности частными лицами, то именно благодаря съѣздамъ народныхъ судей, которымъ предоставлена была такая важная функція, какъ опредѣленіе характера юридическихъ отношеній населенія къ землѣ, чего и русская власть не могла обозначить съ достаточною точностью. Что съѣздъ судей напишетъ въ своемъ удостовѣреніи, то уѣздный начальникъ и выразитъ въ своемъ свидѣтельствѣ безъ всякой провѣрки. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ первые годы по введеніи Положенія 1886 года. Такимъ образомъ случилось то, чего не желалъ допускать Государственный Совѣтъ, а именно, что корану косвеннымъ образомъ была присвоена сила закона въ предоставленіи народнымъ судьямъ права опредѣлять юридическія отношенія населенія къ землѣ, ибо извѣстно, что казіями именуются обыкновенно лица, принадлежащія къ сословію мусульманскаго духовенства, которое является естественнымъ исполнителемъ корана, а сей послѣдній есть непосредственный источникъ

права, опредѣляющаго и юридическія отношенія населенія къ землѣ. Напротивъ того, возложеніе обязанности производить удостовѣренія о земельныхъ правахъ на волостныхъ управителей, ничѣмъ не нарушая народныхъ обычаевъ, ставило бы это дѣло подъ контроль русской власти и устраняло бы вліяніе и значеніе народнаго суда въ одной изъ самыхъ важныхъ функцій гражданскаго права. Ограниченіе вліянія народныхъ судей необходимо именно вслѣдствіе того, что мусульманское право основано на коранѣ. Всѣмъ извѣстна вѣротерпимость русскаго народа и правительства, основанная на великомъ принципѣ: „воздадите кесарево кесареви, а Божіе—Богамъ“, но она не можетъ быть понята мусульманами, у которыхъ государство и законъ исходятъ изъ религіи, а глава государства есть въ то же время и духовный глава всѣхъ правовѣрныхъ. Эта вѣротерпимость приписывается мусульманами или нашему недомыслию, или слабости нашего государственнаго строя. Поэтому, коль-скоро вѣроисповѣдныя убѣжденія выходятъ изъ области религіи и предъявляютъ требованія на какое-то обособленное правовое положеніе, противорѣчащее русскому государственному строю, то такому порядку слѣдуетъ положить предѣлъ, какъ это было указано выше въ разсужденіяхъ Государственнаго Совѣта по поводу мѣстныхъ обычаевъ. Поэтому право производства удостовѣреній о принадлежности туземцу уступаемаго имъ земельного участка должно быть изъято изъ вѣдомства даже единоличныхъ судей, а предоставлено волостнымъ управителямъ, что хотя нѣсколько ограничитъ обширную компетенцію народнаго суда.

Установивъ проектированный порядокъ совершенія актовъ о недвижимыхъ имуществахъ, какъ между туземцами, такъ и при передачѣ этихъ правъ лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія, коммисія обратила вниманіе на судьбу тѣхъ русскихъ владѣльцевъ, которые, уплативъ деньги за купленный участокъ, не успѣли совершить крѣпостнаго документа вслѣдствіе приостановки выдачи свидѣтельствъ въ Ташкентскомъ уѣздѣ, когда возникло сомнѣніе въ правильности зачисленія нѣкоторыхъ обществъ въ осѣдное населеніе. Воз-

возможность получить крѣпостные акты наступить для такихъ лицъ, по мнѣнію комисіи, не прежде, чѣмъ окончательно выяснится вопросъ о томъ, принадлежатъ ли общества, у коихъ куплена земля, къ числу осѣдлыхъ, или къ числу кочевыхъ, на что понадобится продолжительное время. Чтобы дать такимъ лицамъ, купившимъ земли до изданія Положенія 1886 г. и послѣ него, возможность оформить свои права, комисія проектировала выдавать имъ данныя на землю по дѣйствительному владѣнію, пользованію и распорженію тѣмъ или другимъ участкомъ. Выдача этимъ лицамъ крѣпостныхъ документовъ давала бы имъ возможность выдѣлиться изъ состава общества и получить отдѣльный окладной листъ и тѣмъ избавиться отъ произвола внутренней раскладки. По Туркестанскому Положенію (ст. 293) раскладка причитающагося съ цѣлаго общества поземельнаго налога между входящими въ составъ его землевладѣльцами принадлежитъ самому обществу, утверждается сельскимъ сходомъ и *обжалованію не подлежитъ*. Первоначально эта раскладка носила въ себѣ нѣкоторую добросовѣстность, налогъ разверстывался сообразно доходности участка, „по животомъ и промысловъ“, какъ водилось и встарь на Руси, пока туземныя общества не вошли во вкусъ и не почувствовали своей безнаказанности. Тогда уже безъ церемоніи стали налагать на русскихъ владѣльцевъ, по разверсткѣ, такія доли изъ причитающейся на все общество части поземельнаго налога, что убивали въ нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ всякую возможность продолжать дѣло. Комисія привела примѣръ, когда на русскаго землевладѣльца было наложено 826 р. поземельнаго налога вмѣсто 216 р., которые онъ уплачивалъ въ предшествовавшемъ году; я знаю другой случай, когда налогъ съ 140 р. возросъ постепенно въ теченіе пяти лѣтъ до 600 руб., между тѣмъ какъ въ составѣ и культурѣ имущества не произошло никакихъ измѣненій. Справедливо комисія изыскиваетъ средства къ устраненію этого ненормальнаго порядка, но слѣдуетъ сказать, что полученіе крѣпостныхъ документовъ до сего времени не освобождало русскихъ владѣльцевъ отъ общественнаго произвола. Большинство русскихъ хозяевъ имѣетъ крѣпост-

ные документы, но до открытія работъ комисіи они не догадывались хлопотать о выдѣлѣ своихъ участковъ изъ состава общества; когда же комисіа выяснила эту возможность, то владѣльцы начали обращаться въ областныя правленія съ просьбою о выдѣленіи своихъ участковъ изъ состава сельскихъ обществъ, съ тѣмъ, чтобы получить на нихъ отдѣльный податной расчетъ, но до сего времени, если не ошибаюсь, никто еще не получилъ этого расчета. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о Сыръ-Дарьинской области и главнымъ образомъ о Ташкентскомъ уѣздѣ. Причиною тому—недостатокъ межевыхъ рабочихъ силъ въ областномъ правленіи и непонятное колебаніе послѣдняго сдѣлать первый шагъ въ разбираемомъ вопросѣ ¹⁾. По нѣкоторымъ ходатайствамъ о выдѣлѣ участковъ послѣдніе сняты уже на планъ, но областное правленіе медлитъ окончательнымъ разрѣшеніемъ возбужденныхъ ходатайствъ. Въ объяснительной запискѣ комисіи есть указаніе на то, что областное правленіе признавало неправильнымъ причисленіе туземцевъ Ташкентскаго уѣзда къ осѣдлымъ при производствѣ поземельно-податныхъ работъ въ этомъ уѣздѣ, когда эти туземцы въ дѣйствительности были кочевыми и находившіяся въ ихъ пользованіи земли должны быть признаны государственными. Въ виду этого областное правленіе и приостановило выдачу уѣздными начальниками свидѣтельствъ на право владѣнія или дозволяло выдавать ихъ послѣ провѣрки участковымъ приставомъ выданнаго съѣздомъ удостовѣренія о принадлежности продавцу отчуждаемаго имъ участка, а теперь, навѣрное, опасается того, что путемъ выдачи отдѣльнаго податнаго расчета тотъ или другой участокъ будетъ окончательно признанъ частной собственностью. Но мнѣ кажется, что въ настоящее время уже поздно думать о разрушеніи

¹⁾ Работа комисіи о тѣхъ русскихъ землевладѣльцахъ, которые приобрѣли земли до 1886 г. и еще не имѣютъ крѣпостныхъ документовъ, мнѣ кажется нѣсколько излишнею. Съ 1886 г. уже прошла десятилѣтняя давность, и всѣ эти владѣнія отчасти уже укрѣплены за ихъ хозяевами или могутъ быть укрѣплены за ними по праву давностнаго владѣнія, если даже эти участки перешли по какому-либо юридическому основанію къ другимъ лицамъ (давность преемственная).

крѣпостныхъ документовъ, имѣющихся въ рукахъ русскихъ землевладѣльцевъ, хотя-бы они были совершены на земли, которыя могли быть признаваемы государственными или общественными, такъ какъ эти документы совершены на основаніи свидѣтельствъ, выданныхъ уѣздными начальниками. Могло быть, дѣйствительно, что удостовѣренія сѣздовъ народныхъ судей выдавались на земли, которыя не находились въ постоянномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи того или другаго общества или лица, но это уже вытекало изъ постановленія самого закона и только подтверждаетъ мой выводъ о необходимости изъять изъ вѣдомства народного суда опредѣленіе юридическихъ отношеній населенія къ землѣ и передать эти дѣла въ вѣдѣніе волостныхъ управителей.

Но если бы даже туземцы Ташкентскаго уѣзда были неправильно признаны осѣдлыми, что, впрочемъ, трудно допустить, такъ какъ большинство земель этого уѣзда суть культурныя, т. е. орошенныя, слѣдовательно находятся въ постоянномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи туземцевъ, то какой отъ этого вредъ государственному хозяйству? Земли кочевниковъ хотя и считаются государственною собственностью, но оставляются *въ безсрочномъ общественномъ пользованіи* (270 ст. Турк. Пол. и 120 ст. Пол. Степн.) кочевниковъ, слѣдовательно государство не можетъ извлекать изъ этихъ земель никакой другой пользы путемъ установленія собственнаго хозяйства или образованія изъ нихъ оброчныхъ статей. Когда же населеніе осядетъ на занятыхъ участкахъ и перейдетъ отъ скотоводства къ хлѣбопашеству, то кибиточная подать должна быть замѣнена оброчною, которую платили бывшіе государственные крестьяне за пользованіе казенными угодьями, на коихъ они были поселены, и, кажется, не въ интересахъ государства препятствовать этому осѣданію, такъ какъ оно не только не потерпитъ отъ этого убытка, но получитъ увеличеніе доходовъ отъ замѣны кибиточной подати оброчною и учтетъ въ свою пользу многія другія выгоды отъ перехода кочевниковъ въ осѣдлое состояніе. Такимъ образомъ, если населеніе фактически осѣло и уже обложено поземельнымъ налогомъ вмѣсто кибиточной

подати, какъ это допущено въ Ташкентскомъ уѣздѣ, то этому обстоятельству слѣдуетъ только радоваться. 25 лѣтъ тому назадъ въ Акмолинской области, сосѣдней съ Туркестанскимъ уѣздомъ, почти не было осѣдлаго населенія, исключая Омскаго уѣзда и поселковъ Сибирскаго казачьяго войска, разбросанныхъ по такъ называемой горькой линіи отъ Омска до Петропавловска и далѣе въ глубь степи до станціи Акмолинской; въ теченіе этого времени, особенно начиная съ 1881 года, въ этой области, особенно въ благодатномъ по климатическимъ условіямъ лѣсномъ оазисѣ Кюкчетовскаго уѣзда (въ районѣ волостей Котуркульской, Арыкбалынской и др.), а также въ уѣздѣ Петропавловскомъ, образовалась такая густая сѣть крестьянскихъ поселеній, что потребовалось введеніе крестьянскихъ учрежденій. И очевидно, что число крестьянскихъ поселеній съ каждымъ годомъ увеличивается, что можно видѣть изъ того, что въ началѣ настоящаго года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи пяти новыхъ должностей чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Акмолинской области. Спрашивается, на какихъ же земляхъ образовались эти поселенія? Конечно, на земляхъ государственныхъ — свободныхъ, а отчасти и находившихся въ пользованіи кочевниковъ, и если бы послѣдніе осѣли на этихъ земляхъ ранѣе, то естественно, что правительство не отказало бы признать за ними права, которыми пользуются въ настоящее время крестьянскія общества, т. е. надѣлить ихъ землею съ выдачею владѣнныхъ записей, и вмѣсто кибиточной подати ввести оброчную, которую теперь уплачиваютъ крестьяне Акмолинской и Семирѣченской областей (въ Акмолинской области 15, а въ Семирѣченской 30 коп. съ десятины).

Въ связи съ вопросомъ о введеніи въ Туркестанскомъ краѣ между туземцами нотаріальнаго Положенія съ подчиненіемъ ихъ дѣйствию Устава о пошлинахъ находится также вопросъ о введеніи пошлинъ за безмездный переходъ имущества, о чемъ также было высказано нѣсколько словъ въ комисіи т. с. Кобеко.

Говоря о томъ, что при совершеніи актовъ о продажѣ туземцами недвижимыхъ имуществъ 4% взвскаиваются съ про-

дажной цѣны имущества, которая должна быть не ниже законной оцѣнки земель Туркестанскаго края по табели, утвержденной генераль-губернаторомъ, по предварительномъ обсужденіи таковой въ состоящемъ при немъ совѣтѣ, комиссія признаетъ необходимымъ составленіе этой табели какъ для вышеуказанной цѣли, такъ и въ виду возможнаго распространения на туземцевъ Туркестанскаго края Положенія о пошлинахъ съ имуществомъ, переходящихъ безмездными способами, *„введеніе котораго задерживалось до сего времени, между прочимъ, отсутствіемъ таковой табели въ нѣкоторыхъ областяхъ“*.

Высказанное комиссіею заключеніе, по моему мнѣнію, не исполнѣ основательно. Я утверждаю, что законная оцѣнка земель давно существуетъ во всей Россійской Имперіи, въ томъ числѣ и въ Туркестанскомъ краѣ, и вовсе не отсутствіе ея служить препятствіемъ къ введенію въ краѣ между туземцами пошлинъ за безмездный переходъ имущества. Постараюсь это разъяснить.

На основаніи 37 ст. Уст. о пошл. (Свод. зак., т. V, изд. 1893 г.) суммою акта или документа, имѣющаго своимъ предметомъ переходъ права собственности, признается цѣна переходящаго имущества, объявляемая лицами, участвующими въ сдѣлкѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда цѣна эта ниже законной оцѣнки, установленной въ ст. 47; послѣдняя же устанавливаетъ, что законною оцѣнкою имущества, составляющаго предметъ акта, признаются: 1) для земель—цѣны, показанныя въ приложеніи къ ст. 177 Уст. о пошл., а для прочихъ, кромѣ земель, недвижимыхъ имуществовъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ,—оцѣнка для взиманія городскихъ сборовъ. То же самое правило указано для руководства и при совершеніи актовъ о переходѣ недвижимыхъ имуществовъ безмездными способами: здѣсь точно также дѣйствуетъ законная оцѣнка земель по табели, приложенной къ ст. 177. Въ этой табели показаны цѣны земель для всѣхъ руссійскихъ губерній, даже по уѣздамъ, а въ примѣчаніи сказано: „въ мѣстностяхъ, не показанныхъ въ сей табели, законною оцѣнкою земель признается: 1) въ губерніяхъ Закавказскихъ, Томской, То-

больской, Енисейской и Иркутской, а также въ областяхъ Терской и Кубанской цѣна въ 1 р. 50 к. за десятину; 2) *въ остальныхъ мѣстностяхъ* (за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, въ которыхъ дѣйствуютъ особыя правила),—*цѣна въ 80 к. за десятину* (узак. 19 мая 1883 г.). Если принять засимъ во вниманіе, что въ населенныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края, признаваемыхъ городами (Старый Маргеланъ, Туркестанъ, Чустъ, Урашибе и Пенджакентъ, а также города областныя и уѣздныя—ст. 66 Пол. объ упр. Турк. края), существуетъ оцѣнка для взиманія городскихъ сборовъ, то слѣдуетъ прийти къ убѣжденію, что законная оцѣнка недвижимыхъ имуществъ существуетъ для всѣхъ мѣстностей Туркестанскаго края, да иначе и быть не могло, ибо вездѣ въ край совершаются акты о переходѣ имуществъ, а для этого должна быть въ виду законная оцѣнка, пошлина же за безмездный переходъ имуществъ между лицами христіанскихъ вѣроисповѣданій взимается какъ въ Степномъ и Туркестанскомъ генераль-губернаторствахъ, такъ и во всей Сибири, однакоже нигдѣ не требуется какой-то особой таблицы, утвержденной главнымъ начальникомъ края, когда такая табель существуетъ въ самомъ законѣ. Слѣдовательно, причина, по которой законъ о пошлинахъ при безмездномъ переходѣ имуществъ не примѣняется въ Туркестанскомъ край, совсѣмъ не въ томъ, что не существуетъ таблицы законной оцѣнки. Въ № 54 „Юридической Газеты“ я указывалъ, что непримѣненіе закона о пошлинахъ за безмездный переходъ имуществъ отчасти вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія этого закона его исполнителями. Въ мѣстной практикѣ, напр., принято, что охранительныя мѣры къ имуществу, оставшемуся послѣ смерти туземцевъ, приобрѣвшихъ права одного изъ состояній Россійской Имперіи, принимаются не мѣстнымъ мировымъ судьей, а мѣстнымъ народнымъ судьей, но едва-ли такой порядокъ можно оправдать точнымъ смысломъ закона.

Туземцами въ Туркестанскомъ край и Степныхъ областяхъ считаются всѣ инородцы, поселившіеся въ край до занятія его русскими: сарты, туркмены, узбеки, киргизы и пр.

и даже еврей, если предки ихъ водворились въ краѣ съ незапамятныхъ временъ (ст. 262 Пол. объ упр. Турк. краѣ), при чемъ туземцы (кочевые и осѣдлые), живущіе въ селеніяхъ, пользуются правами сельскихъ обывателей, а проживающіе въ городахъ, — правами городскихъ жителей. Особенность этого первобытнаго состоянія заключается въ томъ, что туземцы могутъ быть подвергаемы за маловажные проступки (ссора, драка въ публичномъ мѣстѣ, непочтеніе и грубость къ начальствующимъ, непослушаніе родителямъ и оскорбленіе ихъ, ст. 64 Турк. Пол. и 39 ст. Пол. Степнаго) по распоряженію уѣзднаго начальника, полиціеймейстера и участковаго или полицейскаго пристава аресту до 7 и до 3 дней или денежному взысканію до 15 руб. Преимущества же, присвоенныя другимъ состояніямъ Россійской Имперіи, приобрѣтаются туземцами на основаніи общихъ законовъ (ст. 9 Турк. Пол. и 11 ст. Пол. Степнаго).

Такимъ образомъ туземцы приобрѣтаютъ права личнаго и потомственнаго дворянства полученіемъ чиновъ на государственной службѣ, куда они могутъ быть принимаемы по окончаніи курса въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, а также по пожалованію, какъ, напр., были возведены недавно въ потомственные дворяне Россійской Имперіи сыновья бывшаго Кокандскаго хана Худояръ-хана. Дѣти личныхъ дворянъ изъ туземцевъ, т. е. получившихъ первый классный чинъ, приобрѣтаютъ права потомственныхъ гражданъ; наконецъ, обращаясь къ занятію торговлей и выбирая гильдейскія свидѣтельства, туземцы приобрѣтаютъ права, присвоенныя купеческому сословію. Вступая въ одно изъ сословій Россійской Имперіи, туземецъ приобрѣтаетъ всѣ права и преимущества этого сословія и теряетъ, такъ сказать, свое первобытное состояніе, зависимое и ограниченное въ правахъ, что прежде всего должно выражаться въ освобожденіи его отъ дѣйствія 64 ст. Пол. объ упр. Турк. краѣ и 39 ст. Пол. объ упр. Степн. обл. и юрисдикціи мѣстнаго народнаго суда, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ. По дѣламъ уголовнымъ не встрѣчается сомнѣнія: дворяне, купцы, потомственные почетные гражд-

дане изъ туземцевъ изъемяются изъ подсудности мѣстному народному суду; къ нимъ нельзя примѣнить и дѣйствіе 64 ст. Турк. Пол. Дѣйствительно, никто не будетъ спорить, что полковника или генерала русской службы изъ туземцевъ или купца нельзя посадить подъ арестъ на 7 сутокъ въ мѣстное миршабхане (туземный арестный домъ) по распоряженію полиціймейстера или уѣзднаго начальника, и если были случаи примѣненія 64 ст. къ лицамъ купеческаго сословія или даже къ потомственнымъ гражданамъ, то лишь по явному недоразумѣнію. Но не то въ сферѣ гражданскаго права; здѣсь у мѣстныхъ властей является наклонность къ болѣе широкой интерпретаціи юрисдикціи мѣстныхъ народныхъ судовъ. И администрація, и суды, и блюстители интересовъ фиска—податные инспектора, Туркестанская, казенная и контрольная палаты—спокойно смотрятъ на то, что мѣстные народные судьи принимаютъ охранительныя мѣры къ имуществу умершихъ чиновниковъ и купцовъ изъ туземцевъ, и такимъ образомъ имущества тѣхъ и другихъ избѣгаютъ платежа наслѣдственныхъ пошлинъ. Съ чѣмъ же это соотносительно? Даже въ составѣ чиновъ судебного вѣдомства въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ встрѣчаются мусульмане изъ мѣстныхъ туземцевъ въ должностяхъ судей, судебныхъ слѣдователей и пр. По мѣстной практикѣ выходитъ, что охранительныя мѣры послѣ смерти какого-нибудь Н—скаго мирового судьи изъ туземцевъ будетъ принимать мѣстный народный судья. Но развѣ это возможно допустить?

То же самое и еще съ большою силою слѣдуетъ сказать и въ отношеніи купцовъ. Вступленіе туземца въ купеческое сословіе, несомнѣнно, даетъ ему тѣ же преимущества, коими пользуется купеческое сословіе въ Имперіи, а съ другой стороны—подчиняетъ его и дѣйствію всѣхъ общихъ законовъ, установленныхъ специально для лицъ торговаго званія, изложенныхъ какъ въ X т. 1 ч., такъ и въ Уставѣ торговомъ, при чемъ, конечно, онъ не можетъ подлежать юрисдикціи народнаго суда по своимъ торговымъ дѣламъ и вообще по имуществу.

Отчасти это признается и мѣстною практикою, напр., въ

дѣлахъ о несостоятельности: купцы изъ туземцевъ объявляются несостоятельными должниками на общемъ основаніи; ихъ сажаютъ въ тюрьму, по дѣламъ ихъ образуются конкурсныя управленія и т. д., но дѣла по принятію охранительныхъ мѣръ и утвержденію въ правахъ наслѣдства, а также дѣла по опекамъ находятся въ вѣдѣніи народныхъ судовъ, вслѣдствіе чего всѣ имущества этихъ лицъ ускользаютъ отъ уплаты пошлинъ за безмездный переходъ.

Мнѣ кажется, что подобный порядокъ не имѣетъ за собою законной почвы. Въ законѣ существуютъ особыя правила, коими слѣдуетъ руководствоваться при открытіи и принятіи наслѣдства послѣ лицъ, производившихъ торговлю (прилож. къ 1238 ст. X т. 1 ч.). На основаніи этихъ правилъ, по распоряженію судебной власти, производится опись имущества и конторскихъ книгъ, вызовъ наслѣдниковъ и проч., когда кредиторы объявятъ въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ о количествѣ своихъ исковъ, а этимъ мѣстомъ не можетъ быть народный судъ. Этими правилами слѣдуетъ руководствоваться въ силу 9 ст. Пол. объ упр. Турк. края и въ случаѣ смерти купцовъ изъ туземцевъ, т. е. принятіе охранительныхъ мѣръ къ имуществу, оставшемуся послѣ ихъ смерти, должно быть предоставлено русскимъ судебнымъ установленіямъ. Когда же это установится, то примѣненіе закона о наслѣдственной пошлинѣ произойдетъ уже само собою: если наслѣдники не внесутъ этихъ пошлинъ добровольно, въ установленный срокъ, то казенная палата производитъ расчетъ сама, согласно 8 ст. временныхъ правилъ о порядкѣ исчисленія и взиманія пошлинъ (прим. къ ст. 161 Уст. о пошл., Свод. зак. т. V). Для сего въ казенной палатѣ имѣются всѣ свѣдѣнія, такъ какъ на основаніи 160 ст. того же Уст. всѣ правительственныя установленія (какъ судебныя, такъ и административныя) и должностныя лица, а равно и городскія управы увѣдомляютъ казенныя палаты о сдѣлавшихся имъ извѣстными случаяхъ безмезднаго перехода имущества, подлежащаго оплатѣ пошлиною, при чемъ судебные пристава сообщаютъ палатамъ свѣдѣнія и о составѣ и стоимости наслѣдственного имущества.

Наконецъ, и это главное, ни въ V т. Уст. о пошл., ни въ специальныхъ узаконеніяхъ о туземцахъ нѣтъ такой статьи, которая бы говорила, что постановленія о пошлинахъ съ имущества, переходящихъ безмездными способами, не распространяются на туземцевъ Туркестанскаго края, а извѣстно, что при самомъ изданіи закона точно обозначается мѣсто его дѣйствія и лица, на которыхъ онъ распространяется, если онъ не имѣетъ общаго примѣненія.

На чемъ, дѣйствительно, основывается практикуемое мѣстными властями освобожденіе туземцевъ отъ уплаты наслѣдственныхъ пошлинъ, особенно же городскихъ обывателей? Прямаго закона на это нѣтъ, а особая подсудность туземцевъ, подвѣдомственныхъ своему народному суду въ дѣлахъ гражданскихъ, рѣшаемыхъ по обычаю, не можетъ служить къ тому основаніемъ, по аналогіи съ законами, касающимися устройства сельскаго населенія Имперіи. Русскіе крестьяне тоже имѣютъ свои суды, но въ подлежащихъ случаяхъ уплачиваютъ пошлины по всѣмъ сдѣлкамъ о переходѣ имущества безмездными способами, исключая тѣхъ, которыя касаются земель, отведенныхъ имъ въ надѣль, вмѣстѣ съ находящимися на сихъ земляхъ крестьянскими домами и хозяйственными строениями (3 п. 153 ст. Уст. о пошл.), да и то лишь въ томъ случаѣ, когда имущества эти переходятъ къ лицамъ того же состоянія. Освобожденіе туземцевъ отъ гербоваго сбора при подачѣ прошеній и полученіи разрѣшительныхъ бумагъ въ ихъ судахъ и вообще въ инородческихъ учрежденіяхъ предусмотрено закономъ (5 п. 62 ст. Уст. о пошл.). При подачѣ прошеній въ русскія судебныя и административныя учрежденія тѣ же туземцы подлежатъ взысканію гербоваго сбора, потому что нѣтъ такого specialнаго закона, который освобождалъ бы ихъ отъ этой пошлины по ихъ состоянію, потому что они туземцы. Точно также нѣтъ закона, который освобождалъ бы ихъ отъ уплаты пошлинъ при переходѣ имущества безмездными способами, какъ-бы этотъ переходъ ни совершался.

Не говоря о томъ, что привлеченіе купцовъ изъ туземцевъ къ платежу наслѣдственныхъ пошлинъ, являясь вполне законнымъ, составляло бы хотя и небольшой источникъ дохода,

который за два пропущенныя десятилѣтія могъ бы составить довольно значительную сумму, весьма нелишнюю для пополненія ежегоднаго дефицита мѣстныхъ средствъ Туркестанскаго края на его управленіе,—самъ по себѣ этотъ налогъ представляется вполне справедливымъ и не требуетъ со стороны правительства никакихъ расходовъ на его взиманіе. Каждый, сколько-нибудь знакомый съ Туркестанскимъ краемъ, хорошо знаетъ, что здѣсь вся мѣстная торговля находится въ рукахъ туземцевъ, считая въ томъ числѣ и бухарскихъ евреевъ, которые имѣютъ право приобрѣтать въ краѣ недвижимость и даже заниматься винокурениемъ; хлѣбная, мясная, мануфактурная, какъ оптовая, такъ и мелочная торговля находится въ рукахъ сартовъ, татаръ и евреевъ, и за русскими осталось лишь печальное преимущество производить питія и торговать ими, такъ какъ мусульмане по требованіямъ своей религіи не могутъ заниматься этимъ дѣломъ. Стыдно сказать, а грѣхъ утаить, что еще въ недавнее время, въ первые дни мусульманскаго байрама русскіе не имѣли свѣжаго хлѣба, такъ какъ всѣ туземныя хлѣбопекарни запирались дня на три. Всѣ солидные казенные подряды и поставки на нужды мѣстныхъ войскъ (а ихъ въ краѣ не мало) и городского хозяйства, за малыми исключеніями, находятся въ рукахъ туземцевъ. Сарты, которыхъ называютъ азиатскими французами, въ высшей степени понятливый и предприимчивый народъ. Не покидая своего азиатскаго образа жизни, весьма простаго и дешеваго, они пользуются всѣми благами цивилизаціи для увеличенія своего денежнаго благосостоянія, и трудно русскимъ пришельцамъ бороться съ ними. Теперь туземцы покупаютъ товары непосредственно на ярмаркахъ и даже на фабрикахъ, въ мѣстахъ производствъ, изъ первыхъ рукъ, и такимъ образомъ учитываютъ въ свою пользу всѣ выгоды отъ покупки товаровъ безъ посредниковъ. Мнѣ лично извѣстенъ случай, когда сартъ-торговецъ съѣздивъ въ Лодзь и закупилъ товаръ на извѣстной фабрикѣ Гилле и Дитрихъ, по приѣздѣ же въ Ташкентъ онъ быстро его распродалъ съ большою выгодною.

Далѣе, пользуясь дешевымъ кредитомъ въ Государствен-

номъ банкѣ (отъ 5 до 8% годовыхъ), нѣкоторые изъ туземныхъ купцовъ, подъ прикрытіемъ какой-нибудь лавочки, занимаются весьма прибыльною торговлею позанмствованными изъ банка деньгами, отдавая ихъ въ ростъ своимъ же туземцамъ подъ лихвенные проценты, начиная отъ 24% годовыхъ и выше, не боясь отвѣтственности за ростовщическія дѣйствія, такъ какъ ростовщичество между туземцами и не въ предѣлахъ русскихъ городовъ и селеній неподсудно русскому суду. Кто же не согласится съ тѣмъ, что нѣтъ никакого основанія освобождать этихъ мусульманскихъ купцовъ, завоевавшихъ господствующее значеніе въ краѣ и нажившихъ отъ русскихъ солидные капиталы, отъ уплаты налога, признаннаго необходимымъ и справедливымъ для всѣхъ російскихъ подданныхъ?

Эта несправедливая льгота поддерживаетъ въ завоеванномъ краѣ то обособленное положеніе мусульманъ, которое Государственный Совѣтъ находитъ несомнѣннымъ съ русскими интересами въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „водворяя среди покоренной страны законный порядокъ, русская власть не можетъ стать къ населенію въ иные отношенія, чѣмъ къ остальнымъ своимъ подданнымъ, и руководствоваться началами, несогласными съ общимъ господствующимъ въ Имперіи порядкомъ“. Эти слова слѣдовало бы начертать золотыми буквами надъ дверями всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы напоминать исполнителямъ, что равномѣрное и одинаковое, по сословіямъ, участіе въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ есть основной принципъ государственнаго строя, и что тѣмъ болѣе невозможно ставить въ привилегированное положеніе мѣстныхъ туземцевъ сравнительно съ пришедшими русскими людьми или вообще російскими подданными христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Теперь скажу нѣсколько словъ о послѣдней особенности въ устройствѣ народнаго суда, нигдѣ болѣе не встрѣчаемой, а именно: народные судьи Туркестанскаго края и Степныхъ областей не имѣютъ штатнаго содержанія, а „получаютъ вознагражденіе на основаніи существующихъ обычаевъ“ (ст. 226). И здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, въ самомъ за-

конодательствѣ замѣтно стремленіе не къ уменьшенію обособленности народныхъ судей, а къ нѣкоторому усиленію таковой, къ освобожденію ихъ отъ тѣхъ ограниченій, которыми признавалось необходимымъ подчинить ихъ при самомъ завоеваніи края. Такъ, въ первомъ Туркестанскомъ Положеніи, дѣйствовавшемъ въ теченіе 18 лѣтъ (съ 1868 по 1886 годъ включительно), осѣдлому населенію предоставлено было назначать содержаніе судьямъ по общественному приговору, составленному до производства выборовъ, подобно тому, какъ это дѣлается и понинѣ въ отношеніи волостныхъ управителей и аульныхъ старшинъ; если же такого приговора не было, то народнымъ судьямъ предоставлено было право, по окончаніи дѣла, *получать, по желанію тлѣющихъся, вознагражденіе за приложеніе печати къ дѣлу* (220 ст. Высочайше утвержденнаго проекта Положенія объ упр. областями Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской 1868 г.).

Для народныхъ судей кочевыхъ туземцевъ также были установлены нѣкоторыя правила. Ст. 186 того же проекта гласила такъ: „выбранные въ бѣи утверждаются военнымъ губернаторомъ, жалованья имъ не полагается, но они имѣютъ право получать за рѣшеніе дѣла *особый штрафъ съ виновнаго (бійлыкъ)*, установленный народнымъ обычаемъ; штрафъ этотъ по имущественнымъ сдѣлкамъ не долженъ быть опредѣляемъ *выше десятой части стоимости иска*, а за рѣшеніе дѣлъ объ убійствѣ и личныхъ оскорбленіяхъ назначается бійлыкъ согласно обычаемъ“. Такимъ образомъ, въ старомъ туркестанскомъ положеніи было довольно опредѣленное указаніе на размѣръ и порядокъ взысканія вознагражденія и штрафа съ виновнаго, при чемъ осѣдлое населеніе само могло опредѣлять народнымъ судьямъ постоянное содержаніе и тѣмъ избавиться отъ ихъ произвола, но въ новомъ Положеніи 1886 года все это исчезло въ одномъ общемъ выраженіи: „народные судьи получаютъ вознагражденіе на основаніи существующихъ обычаевъ“.

Но не пора ли прекратить такой способъ вознагражденія народныхъ судей, о которомъ Государственный Совѣтъ въ объяснительной запискѣ къ Положенію 1886 года высказалъ:

Жур. Мин. Юст. Февраль 1899.

зался, что „онъ представляется неправильнымъ въ самомъ своемъ основаніи, ибо открываетъ широкій просторъ для незаконныхъ вымогательствъ и лицепріятныхъ рѣшеній“.

Въ самомъ дѣлѣ, народные судьи вѣдаютъ самыя насущныя интересы населенія, личные и имущественныя; по дѣламъ уголовнымъ они опредѣляютъ наказанія: тюремное заключеніе до одного года и шести мѣсяцевъ и денежное взысканіе до 300 р., дѣла же гражданскія подсудны имъ безъ ограниченія суммы, какъ въ исковомъ, такъ и въ охранительномъ порядкѣ, при чемъ рѣшенія съѣздовъ почитаются окончательными и могутъ быть кассированы русскимъ судомъ лишь по нарушенію предѣловъ вѣдомства и степени власти, словомъ, народные судьи безконтрольно отправляютъ важную функцію власти, власть судебную, а содержатъ сами себя сборами *по обычаю*, также безъ всякаго контроля со стороны русской власти. А если сборы эти будутъ *необычайны*, кто будетъ судьей въ этомъ дѣлѣ? Чѣмъ будутъ руководствоваться областныя правленія, предающія суду народныхъ судей за преступленія должности (ст. 229 Пол.), при разрѣшеніи вопроса о томъ, не нарушилъ ли судья обычая при взысканіи въ свою пользу вознагражденія ¹⁾? Очевидно, что по этому предмету имъ придется истребовать заключенія свѣдущихъ людей, т. е. тѣхъ же самыхъ народныхъ судей, ибо никакихъ правилъ о количествѣ вознагражденія русскою властью не установлено, а существующіе обычаи намъ неизвѣстны, какъ о томъ удостовѣрилъ и Государственный Совѣтъ въ объяснительной запискѣ, гдѣ сказано такъ: „даже при поверхностномъ обсужденіи предмета возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, остающихся неразрѣшенными и возбуждающихъ большія сомнѣнія: кто изъ тяжущихся обязанъ воз-

¹⁾ Такой случай, дѣйствительно, былъ въ практикѣ одного изъ областныхъ судовъ. Одинъ бій, обвиненный во взяточничествѣ, въ частной жалобѣ своей Правительствующему Сенату объяснилъ, что онъ взыскалъ съ жалобника бійлыккѣ по обычаю. Когда Правительствующій Сенатъ затросилъ у областного суда свѣдѣній о томъ, что такое бійлыккѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ взыскивается, то таковыя свѣдѣнія были затребованы отъ администраціи, а эта послѣдняя въ свою очередь затросила о нихъ тѣхъ же народныхъ судей.

наградить судью, за какого рода рѣшенія полагается вознагражденіе, взыскивается ли оно только одинъ разъ въ первой инстанціи или также при переходѣ дѣла во вторую инстанцію, какимъ образомъ распределяется вознагражденіе между судьями, по числу ли рѣшеній, или поровну, и, въ послѣднемъ случаѣ,—кто собираетъ, хранитъ и распределяетъ поступающія на вознагражденіе судей суммы“.

Такимъ образомъ народные судьи въ дѣйствіяхъ своихъ по взысканію вознагражденія за труды являются непогрѣшимыми, автономными и безнаказанными, занявшими какое-то до невозможности обособленное положеніе, которое можетъ дать туземцамъ ложное понятіе о существѣ и задачахъ русской власти и русской гражданственности.

Что же можетъ препятствовать устраненію этого ненормальнаго порядка? Мѣстные представители туземной администраціи, волостные управители и аульные старшины, получаютъ опредѣленное жалованье (отъ 300 до 500 р. лично и отъ 300 до 400 р. на наемъ писцовъ и разсылныхъ, ст. 91 Пол. объ упр. Турк. края и 71 ст. Пол. объ упр. Степн. обл.) по назначенію сельскихъ сходоу изъ общественныхъ суммъ, которыя образуются путемъ сборовъ, по общественной раскладкѣ, и сдаются въ казначейство вмѣстѣ съ податями,—почему же этотъ порядокъ не можетъ быть принятъ и по отношенію къ народнымъ судьямъ?

Защитники существующаго порядка, признаннаго и Государственнымъ Совѣтомъ ненормальнымъ, могутъ сказать, что назначеніе судьямъ опредѣленнаго содержанія противорѣчитъ народнымъ обычаямъ и будетъ тягостно для населенія, но врядь-ли такое возраженіе можно признать заслуживающимъ уваженія. До прихода русскихъ въ обычномъ строѣ мусульманскаго государства, безъ сомнѣнія, не существовало опредѣленныхъ окладовъ содержанія разныхъ должностныхъ лицъ; начиная отъ правителя округа, бека, и кончая сельскимъ аксакаломъ, всѣ они кормились отъ населенія путемъ сборовъ, отчасти произвольныхъ, отчасти обычныхъ, но это не могло воспрепятствовать русской власти установить свой порядокъ въ этомъ дѣлѣ и назначить опредѣленное вознагра-

гражденеіи лицамъ туземной администраціи, почему нельзя же держаться того же порядка въ отношеніи народныхъ судей? Второе возраженіе—о тягости для населенія новаго общественнаго расхода—равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія, ибо при назначеніи судьямъ опредѣленнаго содержанія населеніе освободится отъ уплаты имъ вознагражденія по обычаю, неопредѣленнаго и произвольнаго, а доходы судей отъ этого вознагражденія немалы, особенно въ населенныхъ, городскихъ пунктахъ. Въ Ташкентѣ, напр., четыре казія при населеніи около 140,000 мусульманъ, и хотя никто не считалъ ихъ доходовъ, но мѣстная администрація по нѣкоторымъ основаніямъ полагаетъ, что каждый казіи зарабатываетъ въ годъ около 10,000 рублей сер.

Въ практикѣ мѣстнаго народнаго суда есть еще одна особенность, о которой тоже стыдно сказать: мѣстные народные судьи до сего времени сносятся со своимъ непосредственнымъ начальствомъ (начальникомъ города, туземнымъ полиціймейстеромъ, уѣздными начальниками) на туземномъ языкѣ, даже безъ перевода на русскій языкъ, и переводчикъ, напр., начальника города, получающій 800 р. содержанія, только почти тѣмъ и занятъ, что переводить эти донесенія, которыя потомъ секретарь и докладываетъ въ переводахъ. Любезность и деликатность мѣстнаго начальства къ почтеннымъ казіямъ и біямъ доходитъ до того, что и предложенія его посылаются народнымъ судьямъ на туземномъ языкѣ. Конечно, нельзя требовать отъ народныхъ судей знанія русскаго языка или даже письменъ, когда даже и знаніе туземной грамоты для нихъ необязательно, но можно и должно требовать употребленія обще-государственнаго языка въ сношеніяхъ судей съ русскими властями, для чего у нихъ имѣются переводчики, и совсѣмъ прекратить сношеніе русскихъ властей съ судьями на туземномъ языкѣ. Существующій порядокъ создаетъ такое привилегированное положеніе, которымъ не пользуются въ Россіи мѣстные органы и культурныхъ націй.

Но, кажется, въ литературѣ и въ обществѣ начинается пробуждающееся сознаніе, что несправедливо покровительствовать

окраинамъ за счетъ кореннаго, центральнаго населенія, вынесшаго на своихъ плечахъ много великихъ историческихъ невзгодъ. Наши азіатскія владѣнія, завоеваніе коихъ и дальнѣйшіе расходы по управленію которыми стоили Россіи очень многихъ десятковъ милліоновъ рублей, еще не пополненныхъ мѣстными доходами, — эти владѣнія и по настоящее время не окупаютъ своими непосредственными доходами ежегодныхъ расходовъ по управленію краемъ, которые такимъ образомъ ложатся излишнимъ бременемъ на коренное населеніе, имѣющее массу своихъ неотложныхъ потребностей.

Итакъ, если еще не настало время поставить туземное населеніе нашихъ мусульманскихъ окраинъ въ такое платежное состояніе, чтобы оно не только окупало расходы по управленію краемъ, но и давало бы излишекъ, необходимый на пополненіе дефицитовъ прежнихъ годовъ, то уже во всякомъ случаѣ давно пора уничтожить тѣ льготы по платежу пошлинъ и разныхъ налоговъ, которыми до сего времени пользуются туземцы Туркестанскаго края, въ ущербъ интересамъ государственнаго хозяйства, отчасти по неполнотѣ самаго закона, отчасти вслѣдствіе неправильнаго его примѣненія и толкованія мѣстными исполнителями.
